

Новая Польша 3/2013

0: КАБАНА Я УБИЛ...

— Современной политике требуются не слишком сообразительные граждане. Легче управлять дурачками, чем творческими, креативными людьми. Может быть, ваше министерство уже превратилось в политический балласт?

— Я не разделяю этого мнения, хотя доля правды в нем есть. Но ведь сотрудничество с людьми творческими, интеллигентными, креативными доставляет также и удовольствие.

— Но они создают проблемы, пишут письма, протестуют, да что там, выходят на улицы, думают, паразиты...

— Но самая приятная работа — именно с людьми требовательными, творческими. А при сотрудничестве я смотрю не на удобство, а на результат. И самых высоких результатов мы добиваемся не в сфере промышленности, новых технологий или науки, а как раз в сфере культуры.

— Вы говорите, что самая приятная работа — с людьми творческими, у которых много идей... Вам, наверное, очень скучно на заседаниях правительства?

— Я не дам себя впутать...

— ...в дешевый наезд на коллег?

— Так называемое скучное правительство — это эффективное правительство, а эмоциональное правительство нельзя назвать вполне ответственным.

— Я не дам себя втянуть в эту хитрую дихотомию, которую мусолят уже несколько лет — мол, либо нервное и слабое, либо скучное, спокойное, предсказуемое. Между этими двумя есть еще, например, правительство, которое определяет четыре-пять приоритетных направлений и работает над ними с железной последовательностью, веря, что это даст результаты. У этого правительства таких приоритетов нет.

— Есть, но вернемся к культуре.

— Почему?

— Потому что я отвечаю за нее.

— Раз вы отвечаете за культуру, то я, честно говоря, ожидал бы от вас чего-нибудь в стиле: встаете вы на заседании совета министров и говорите: «Дорогие коллеги-мегаломаны, нам не суждено стать ни промышленной, ни технологической, ни технической державой — это невозможно! То, что у нас хорошо получается и стоит не слишком дорого, — это искусство! У нас есть хорошие художники, уже известные на весь мир. А у поляков есть особое чутье на творчество. И своего рода культ художника. Я обращаюсь к господину премьеру с просьбой воплотить в жизнь лозунг «Творческая Республика Польша»! Господин министр, давайте уговорим каждого поляка, чтобы он что-нибудь создал! Если человек что-нибудь создаст, что угодно, то это его меняет, он становится совсем другим человеком, потому что чувствует в себе почти что силу демиурга!»

— Отлично, беру...

— Отдаю даром.

— ...хотя должен сказать, что львиная доля моей деятельности направлена ровно на то, о чем Вы говорили.

— А вы не пробовали на заседании совета сесть на колени министра образования и сказать ей: «Слушай, детка, давай-ка сделаем «уроки творчества» на каждой ступени образования, для всех...»

— Я сделал больше. Не садясь на колени Катажине Халь, я сумел быстро уговорить ее вернуть музыку и рисование как обязательные предметы в начальной школе. А для того, чтобы у нас действительно была радость творчества, должны быть выполнены три условия одновременно: во-первых, необходима инфраструктура — театральные, оперные, концертные, музейные залы, пространство для творчества...

— **Это довольно интендантская логика...**

— Второе условие — образование самих художников, определение талантов тогда, когда им по четыре, пять, шесть, семь лет — это очень важно.

— **В музыке — да, но в других областях это еще не тот возраст, чтобы искать таланты.**

— Но в мире музыки это необходимо. За последнее время я открыл 28 новых музыкальных школ первого уровня, чтобы у детей, которые хотят учиться музыке, была такая возможность. Однако я не увеличил количества мест в школах более продвинутых уровней, то есть мы имеем дело с расширением основы треугольника — ради того, чтобы находить больше талантов.

— **И выпускать излишек разочарованных, которые, нюхнув музыки, в высшие музыкальные учебные заведения уже не поступят.**

— Сам факт получения музыкального образования первого-второго уровня невероятно важен с точки зрения развития творческих способностей в общественной жизни. Увеличиваются также шансы того, что следующему поколению в семье будет легче получить музыкальное образование. Это второе условие — художественное образование. А третье — это культурное воспитание адресатов, то есть зрителей. И мы почти утроили финансирование на культурное образование, на доступ к культуре.

— **Вы говорите об одаренных, а я — обо всех. Давайте будем единственной страной на свете, в которой каждый что-нибудь создаст! Каждый! И это нас изменит! А возвращаясь к интендантству — может, денег вы потратили больше, но я читаю результаты недавних опросов, опубликованные несколько дней назад, и они показывают, что доля поляков, которые не в состоянии понять прогноз погоды или расписание поездов, увеличивается и достигла уже почти что половины населения. Люди читают и понимают всё хуже, оглушение продолжается и усиливается.**

— Я не разделяю этого мнения.

— **Опросы врут?**

— Их интерпретация неверна. Вы только что утверждали, что люди всё хуже понимают расписание поездов... Тогда как же за последние 10 лет количество путешествующих самолетами и поездами могло увеличиться в 10 раз? Летают не в ту сторону?

— **Одни других спрашивают, как понять это расписание. Здесь я говорю как раз в прямом, не в переносном смысле.**

— Отлично, вот это творческий подход! Во всяком случае, люди летают несравнимо больше, и я уверен, что в нужных направлениях.

— **Здесь вам удалось забавно выкрутиться, и однако, если говорить серьезно, растет уровень вторичной — даже не неграмотности, а непонимания смысла, не только по вине образования, но и по вине технологий, которые настолько «упростили» контакт между людьми, что фактически кастрировали его до предложений без сказуемого или до смайликов.**

— Этого мнения я тоже не разделяю! Меняются потребности, и в связи с этим меняются также склонности и умения. Когда-то категории наносекунды не существовало, а сегодня мы говорим о том, что ньюйоркцы пользуются ею, если речь идет о впечатлении, какое мы хотим на них произвести. Надо быть осторожным в выводах, и не только в тех, которые мы делаем из опросов, но и в интерпретации отдельных образов. Когда-то, в бытность машинистом электровоза товарных составов, я перемещался по Польше и помню, как складывались пейзажи за окном — как фотографии. Сейчас это невозможно, сейчас это должно выглядеть как короткий фильм. Еще недавно люди бизнеса без проблем приходили на длинные спектакли и не ерзали нервно, когда спектакль затягивался на 15 минут. Сейчас я вижу, как они реагируют, если появляется «угроза» выхода на бис, потому что их время рассчитывается по-другому. Все эти социологические явления требуют новых инструментов описания.

— **Когда вы были машинистом, Вы кого-нибудь убили?**

— Человека — нет, но кабана — да.

— **А был страх перед человеком на путях? Машинист практически бессилен, если кто-то окажется на путях.**

— Был страх. В случае товарных поездов, какие я водил, тормозной путь состава на нормальной скорости движения, на угольном шламе или на угле, — около километра и двухсот метров, даже почти до двух километров.

— **Значит, рефлекс здесь не поможет. И почему вы перестали работать машинистом?**

— Потому что поступил на философский факультет.

— **Ничего себе сошли с рельс.**

— К счастью, не полностью, потому что одновременно с философией я учился на строителя, сварщика, специалиста по механической обработке...

— **Господин министр! Вы могли заниматься столькими интересными вещами, а стали министром культуры и национального наследия?!**

— Так сложилось.

— **Но раз уж так неудачно сложилось, то, господин министр: первое место, где поляки сталкиваются с печатным словом, не считая расписаний, — это газеты. Читателей газет становится меньше, газеты упрощаются в погоне за читателем, потакают его самым примитивным вкусам и начинают глупеть. В нескольких европейских странах есть идея, чтобы в этом помогало государство, потому что государство понимает, что чтение газет — это не только набивание карманов владельцам средств массовой информации, но и воспитание сознательных граждан, с которыми потом можно будет разговаривать на каком-то более сложном языке. Так делает, например, Франция, а мы — нет. Почему? Только по бедности?**

— Я считаю, что попытки поддержки и поощрения чтения нужны и важны, и в этом направлении нам есть к чему стремиться. Во Франции у выпускника лицея есть возможность за счет государства подписаться на год на выбранное издание. Мне нравится эта идея, и я дал распоряжение подсчитать, сколько бы это стоило. Может быть, мы решимся на такой шаг, чтобы в рамках программы поддержки чтения дать шанс молодым людям выбрать, например, еженедельник из определенного списка. Хотя этого списка я немного побаиваюсь.

— **Нет уж, в списке должны быть все.**

— Во Франции — не все.

— **А чего нет?**

— Уж не говоря о порнографических и чисто развлекательных журналах, таблоидах, в этом списке присутствуют не все журналы, и список этот окончательный.

— **Например, специфический язык у «Не» Урбана. Он мог бы попасть в такой список?**

— Это еще одна нерешенная дилемма... Пока что мы проверяем, насколько мы справились бы с таким предприятием в финансовом смысле.

— **А премьер-министр знает о вашей идее?**

— Нет.

— **Я так и думал. Вы боитесь, что она его испугает?**

— Не думаю.

— Потому что я наблюдаю, как Дональд Туск относится к СМИ и вижу, что он без энтузиазма смотрит на государственную помощь даже государственным СМИ. Он как раз принадлежит к таким премьер-министрам, которые не понимают, что чем лучше будут СМИ, в том числе государственные, тем легче будет провести трудные реформы — а они нас ждут. Не поднимая уровня государственных СМИ, он подписывается под тем, что «лучше резня, чем болтовня». Вы надеетесь в конце концов сломить его сопротивление?

— Премьер-министр — противник того, чтобы снова отдавать средства из кармана граждан на телевидение, не имея уверенности в том, что они будут правильно потрачены. Он хорошо помнит попытки присвоения телевидения предыдущими правящими группами, что для них всегда заканчивалось фатальным образом. Поэтому СМИ не интересуют премьера ни в политическом, ни в финансовом плане.

— **А кто сейчас управляет Польским ТВП — не вы?**

— Вынужден вас разочаровать — нет, не мы.

— **Елки-палки... Так кто же, самозванцы какие-то?**

— Не самозванцы — главное, что команда, которая сейчас управляет телевидением, нейтральна — с точки зрения правительства. Председатель Польского ТВ Юлиуш Браун довольно «централен» по своим взглядам. Премьер не заинтересован в личном управлении телевидением через своих ставленников, и он прав. Зато важно, чтобы у людей, заинтересованных тем, чтобы телевидение вышло на новый уровень качества программ и менеджмента, было какое-то хорошее общее видение вопроса. А его, кажется, нет. Но в настоящее время многое происходит. Это был первый год, который в сотрудничестве с государственным телевидением и радио дал определенные поводы надеяться, что в данном направлении есть перспективы.

— **Какие поводы?**

— Вернулся Телевизионный театр — благодаря средствам министерства культуры и национального наследия. Мы финансировали специальные программы, посвященные рекламе книг. Появились специальные радиопередачи, посвященные аудио-книгам и рекламирующие радиопостановки для детей на Польском радио, были выделены средства на часть концертов и передач, относящихся к сфере высокой культуры. В этом году на государственном телевидении мы будем поддерживать мультипликацию, особенно для детей. Всё это вещи довольно дорогостоящие. Чтобы записать, поставить и показать вживую один спектакль, нужно от 400 до 800 тыс. злотых. Десятиминутный мультфильм для детей стоит столько же, сколько одна серия телесериала, но она приносит прибыль, а мультфильм — нет.

— **А какой ваш любимый сериал? «Л как любовь», «На счастье и на беду» или скорее «Мир глазами Дрянных»?**

— Тут я вас удивлю. Я не видел ни одного сериала, ни одной серии.

— **Так вы не знаете, чем живут поляки!**

— Знаю, но из этого образа жизни поляков вычеркиваю телесериалы.

— **Я недавно разговаривал с Янушем Паликотом, и он рассказывал мне, что поляки — кумиры лидера европейской Партии пиратов. Вы тоже гордитесь нашим смертельным ударом по АКТА?**

— Активностью горжусь, но непониманием всего процесса в целом — гораздо меньше. Время покажет, как на самом деле выглядит проблема ответственности за подделки, за всю эту сферу. Полпроцента содержания АКТА касалось интернета или культуры вообще, а остальное было попыткой защитить различные рынки от, коротко говоря, подделок.

— **То есть ваше правительство сплеховало, зря испугалось толпы?**

— В самой работе над АКТА было сделано много ошибок, на которые Польша тоже обращала внимание. Нельзя забывать, что Польша в числе первых стран с самого начала требовала, чтобы процедура была явной. А она таковой не была.

— **Министр Бони совершил ошибку, уступая протестующим?**

— Если мы имеем дело с непониманием регламентации...

— **...со стороны протестующих.**

— Да, если регламентация расценивается как враждебная и вдобавок может быть превратно истолкована, то лучше выйти из такого международного договора, чем давить. А сама по себе общественная активность всегда ценна, и ей нужно отдать должное.

— **Даже если она неразумна?**

— Она в этом своем проявлении была вполне разумна. Достаточно было поговорить с теми, кто протестовал. Я это делал и очень быстро понял, что нельзя сказать, что с самим протоколом они незнакомы.

— **Господин министр, вы законченный демагог. Вы знали, что толпа не понимает, но протестует, и в угоду неразумной толпе согласились на то, чтобы ее требования...**

— Я не дам загнать себя в этот угол. Толпа разумна и в своих действиях отталкивается от интуиции и от определенных знаний. Что защищали молодые люди? Гражданские свободы, которые, по их мнению, были под угрозой. Они защищали свободный доступ в интернет и прежде всего его частный характер. И в этом они абсолютно правы, потому что это священные ценности. При этом документ, который был поводом для протеста, к индивидуальным пользователям не имел практически никакого отношения. Вот и всё.

— **Чувствуете ли вы себя утомленным? Вы дольше всех занимаете пост министра культуры, с 1989 года.**

— Меня нелегко утомить. Но, конечно, каждый должен следить за тем, есть ли у него новые идеи, новые проекты, есть ли творческие силы.

— **И как вы за этим следите?**

— Это дело самосознания и опыта.

— **Если у вас мания величия, то ничего правдивого вы о себе не узнаете...**

— У меня ее нет.

— **Вы уходите от политики. Но не всё так просто: политика, высматривая, чем бы ей еще поживиться, смотрит на культуру. И начинает с кино. Вам понравились недавние политические споры и новые польские фильмы?**

— Это мне как раз нравится. Споры о том, какова задача кино, каково оно, — полезны. Я думаю также, что границы этой дискуссии под конец ушедшего и в начале наступившего года не были перейдены — ни в смысле вкуса, ни в смысле качества.

— **А дискуссия о фильме «Последствия», сверхпольский он или антипольский?**

— Отличная дискуссия.

— **И все-таки вы уже успели ляпнуть, что «для фильма о Смоленске еще слишком рано».**

— Я сказал прежде всего, что в моем представлении возможна, конечно, такая художественная задача, но я знаю, какие настроения и какое разделение сейчас в общественном мнении, поэтому считаю, что хороший фильм о смоленской трагедии на настоящий момент снять очень сложно, если не вообще невозможно. И второе: что такие фильмы с художественными амбициями нужно делать, ощущая дистанцию по отношению к трагическому событию, а этой дистанции сегодня нет. При этом я считаю, что Антоний Краузе имеет право делать такой фильм, какой хочет, и что права художника как раз в этом случае министр культуры должен защищать.

— **А Польский институт киноискусства не должен финансово поддержать этот фильм?**

— Польский институт киноискусства поддерживает прежде всего те проекты, заявки на которые в него поступили. Если говорить о фильме Антония Краузе, то сценарий фильма, который может быть предметом оценки Института, подан не был.

— **Мой вопрос о том, допускаете ли вы ситуацию, в которой из средств Института финансируется фильм авторов, которые внутренне глубоко несогласны с сегодняшним правительством и выражают это в фильме?**

— Допускаю.

— **То есть Краузе должен подать заявку в Польский институт киноискусства?**

— Если он хочет получить финансирование и у него есть хороший сценарий, то да.

— **А как вам нравится идея нового телеканала, который я называю «Смоленск-ТВ», потому что он должен символически начать вещание 10 апреля, в годовщину катастрофы, хотя его создатели упорно называют его «Республика-ТВ»?**

— На старте этого проекта у меня нет отрицательного мнения о самой идее. Я считаю также, что по разным причинам, в некотором смысле и по собственной воле правые в Польше оказались прижаты к стенке и пытаются из этой ситуации выйти. Я имею в виду как интеллектуальное, так и журналистское сообщество.

— **Когда это произошло?**

— В последние годы. Но это произошло и по их собственной воле, потому что радикализация и смещение вправо были также отступлением с политической сцены, отходом от гражданской активности, и это место занял всё более расширяющийся центр. То же самое сделали левые. Спор Наперальского с Олейничакom спровоцировал появление лакуны, которую удалось занять Паликоту.

— **Как изменит нас как общество появление правого телеканала?**

— Вас лично не изменит. А действительно хорошо сделанный телеканал может сформировать взгляды и такое восприятие, которое также послужит Польше на пользу. Но может пойти и в другом направлении — фальсификации публичного пространства...

— **Сколько вы получаете за вычетом налогов?**

— Около 10 тысяч злотых.

— **Немало. Вы потратили бы 500 злотых на акции нового телеканала «Республика»?**

— Нет.

— **Почему? Это был бы такой по-настоящему патриотический поступок, раз правые прижаты...**

— Нет, не куплю. Я считаю, что как член правительства не должен покупать акций никаких фирм. Ни частных, ни государственных — чтобы сохранить нейтралитет.

— **«Смоленск-ТВ» просит также пожертвований — может быть, вы перечислили бы им пожертвование?**

— Это то же самое, только в другой форме.

— **Нет-нет, вы поддержали бы СМИ независимые, непокорные или какие там еще, что им подскажет их бахвальство и самообожание...**

— Я не дам себя в это втянуть.

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Начались торжества по случаю 150-й годовщины январского восстания [1863 г.]. (...) Серию официальных мероприятий открыл вчера в Президентском дворце глава государства Бронислав Коморовский. (...) Он подчеркнул, что 150 лет назад повстанцы сражались за ту же самую страну, процветание которой сегодня — наша общая забота. Президент также призвал уважать польское государство и помнить о многолетней борьбе за само его существование». («Жечпосполита», 17 янв.)

- «Во всём этом нет никакого смысла. Январское восстание — это одно из величайших поражений, которое потерпели поляки за всю историю, — доказывал во время работы над парламентской резолюцией по увековечиванию памяти участников восстания независимый депутат Казимеж Кутц. Он также убеждал, что «пора оставить в покое польскую мартирологию». (...) «Попытки некоторых политиков стереть память о январском восстании возмутительны (...) — говорит проф. Ян Жарынь. (...) А январское восстание — это урок смирения по отношению к нашим собственным амбициям, — добавляет он». («Жечпосполита», 16 янв.)
- «Огромный успех Январского восстания... По правде сказать, нам не удалось в 1863 г. завоевать свободу, зато наши ссыльные внесли значительный вклад в освоение Сибири». («Дзенник — Газета правна», 18-20 янв.)
- «Сегодня в Бурятии живет четвертое поколение поляков, это правнуки сосланных участников январского восстания. В Улан-Удэ с 1993 г. существует национально-культурная автономия поляков «Надежда», а также Общественная школа польского языка и культуры. При Бурятском государственном университете создан Центр польского языка и культуры. В Усолье-Сибирском дети учатся в польском классе. В селе Вершина Иркутской области почти все говорят по-польски, будучи потомками поселенцев и эмигрантов. С 1990 г. в Иркутске Польская культурная автономия «Огниво» продолжает дело Польского общества, основанного в начале XX века польскими ссыльными». (Из репортажа Ягенки Вильчак, «Политика», 6-12 янв.)
- «Восстание началось 22 января 1863 г. на территории Царства Польского, а затем охватило Литву и часть нынешних Белоруссии и Украины. Восстание носило характер партизанской войны, во время которой состоялось 1200 боев и вооруженных столкновений. В общей сложности в рядах повстанцев было 200 тыс. добровольцев, из которых 30 тысяч погибло на поле боя. Восстание окончилось осенью 1864 года. (...) Около 40 тыс. поляков были приговорены к каторжным работам, примерно 10 тысяч эмигрировали. Остатки автономии бывшего Царства Польского оказались ликвидированы российскими властями. («Уважаю же иначе писане», 21-22 янв.)
- «Январское восстание стало частью истории тех народов, земли которых оно охватило. Сегодня происходит своеобразная «национализация» восстания, в ходе которой бросается в глаза стремление любой нации подчеркнуть свою историческую самобытность. (...) Вековой российско-польский конфликт на западных окраинах империи, который в итоге не привел к доминированию ни одной из сторон, дал определенный толчок развитию народов, живущих на пограничных территориях. (...) Русские по-разному оценивали эту ситуацию. (...) Доминировало, тем не менее, отрицательное отношение к полякам и всем тем, кто им симпатизировал. (...) А распространение восстания на литовско-белорусские и украинские территории и вовсе было воспринято крайне болезненно», — Леонид Горизонтов, руководитель Центра истории Польши и российско-польских отношений Института всеобщей истории РАН. («Жечпосполита», 19-20 янв.)
- «11 января 2013 г. в возрасте 76 лет скончалась Лигия Иллакович-Грайнерт (...) сотрудник Примасовского комитета помощи людям, лишенным свободы, и их семьям. Лигия исполняла в комитете одну из сложнейших обязанностей, и все годы военного положения упорно осаждала ворота тюрем, поддерживала связь с заключенными, борясь не только за возможность оказания им материальной помощи, но и — что было особенно трудно в тех условиях — за то, чтобы находящиеся в тюрьмах контактировали с окружающим миром и не чувствовали себя полностью лишенными поддержки, товарищеского плеча и дружеских мыслей, проникающих сквозь тюремные стены. (...) Подруги и друзья по комитету». («Газета wyborcza», 17 янв.)
- «Когда на прошлой неделе Варшавский окружной суд объявил, что кавалеру ордена Белого Орла, члену Государственного трибунала и сенатору седьмого созыва Збигневу Ромашевскому польское государство должно выплатить почти четверть миллиона злотых компенсации, интернет-форумы взвыли от ярости. (...) Суд присудил Ромашевскому 240 тыс. злотых (за два года, проведенных в тюрьме). Перед этим жена сенатора отсудила 25 тыс. злотых в качестве компенсации вреда за год тюремного заключения. (...) Кароль Модзелевский (...) провёл в тюрьмах ПНР более 8 лет и считает, что Ромашевский имеет полное право на компенсацию. Он тоже имеет на это право, хотя и не собирается им воспользоваться. — Я боролся с ПНР не ради компенсаций, — подчеркнул он». (Цезарий Лазаревич, «Ньюсуик-Польша», 21-27 янв.)
- «В двери здания Польского экономического общества на ул. Новый Свят было обнаружено «письмо в будущее», написанное одним из рабочих. (...) «Письмо» содержит едва разборчивый текст, выполненный цветным карандашом: «Дверь изготовлена в царствование Сталина, величайшего из злодеев, в 1952 г. Ю.Кшиковский». (...) Все близкие родственники Юзефа Кшиковского были отправлены в ГУЛАГ. (...) Юзеф Кшиковский участвовал в Варшавском восстании, затем работал на восстановлении столицы». (Ежи С. Маевский. «Газета wyborcza», 11 янв.)
- Альдона Заурская: «Советский консультант при министерстве общественной безопасности полковник Николай Селивановский в отчете Лаврентию Берии от 20 октября 1945 г. сообщал: «(...) В министерстве общественной

безопасности работает 18,7% евреев, половину руководящих должностей занимают евреи». Ещё дальше в своих оценках продвинулся посол СССР в Польше Виктор Лебедев, написав: «(...) В министерстве общественной безопасности, начиная от вице-министров и начальников департаментов, нет ни одного поляка, все — евреи». Как вы относитесь к публикациям, отрицающим факт существования так называемой «жидокоммуны» в Польше? Проф. Кшиштоф Швагжик из вроцлавского Института национальной памяти: «Раз у нас есть конкретные результаты, указывающие, что понятие «жидокоммуны» имеет право на существование, я не вижу повода, чтобы этого понятия не использовать». («Газета варшавска», 1-7 февр.)

- «Нам не ужиться на нашей земле с предателями и целыми поколениями предателей», — заявил в последнем номере «Газеты польской» поэт Ярослав Марек Рымкевич. (...) Проф. Здислав Краснодембский считает, что «гэбистские моральные принципы, принятые за свои еще в раннем детстве, — это проклятое наследство, от которого нужно избавляться». (...) «Когда-то именно коммунисты весьма часто пользовались подобного рода приемами», — говорит о люстрации по принципу родства проф. Яцек Голувка. («Политика», 30 янв. — 5 февр.)
- «Районный суд в Старгарде-Щецинском приговорил архитектора Даниеля Сосина к четырем месяцам ограничения свободы и штрафу в размере 1000 злотых за то, что он назвал депутата Эмиля Хвалека «коммунистом». («Газета польска цодзенна», 9-10 февр.)

- «В международном сознании Польша уже прочно ассоциируется с местом дислокации тюрем ЦРУ. (...) В Москве над нами смеются. (...) «Вы критикуете режим Путина, а американский фильм («Цель номер один» Кэтрин Бигелов), который показывают в каждом кинотеатре, выставляет вас баракком ЦРУ!». (...) Я хочу, чтобы ради польской демократии мы признали, что в Польше попираются основы Конституции», — Юзеф Пинёр, депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 9-10 февр.)

- «Вошло и село около тысячи человек. (...) Один из болельщиков заявил, что доверил Богоматери собрать под своими знамёнами 12 тысяч штыков. «Я подсчитал — этого достаточно, чтобы свалить правительство Туска!» — кричал он. (...) Так 5 января в монастыре отцов паулинов на Ясной Гуре в представительском зале о. Августина Кордецкого проходила «образовательная часть» «V Патриотического паломничества болельщиков». (...) О. Ярослав Вонсович, которого называют капелланом польских болельщиков (...): «Я салезианец, наставник молодёжи (...), — говорит он. Однако добавляет, что не станет перед иконой Матери Божией Ченстоховской увещевать болельщиков, чтобы те не кричали с трибун «Евреи — в крематорий!», чтобы не оскорбляли полицию. (...) Проф. Войцех Поляк (...) подробно описывает, каким образом Дональд Туск угнетает свой народ. (...) Болельщики внимательно слушают рассказ о том, что мир полон чужой агентуры, а журналисты манипулируют обществом». (Мартин Жила, «Тыгодник повсехный», 13 янв.)

- «У нас в Польше — вследствие исторического опыта — принято не доверять государству и его институтам. Однако, создавая Третью Речь Посполитую, мы хотели как-то изменить этот подход. Мы хотели, чтобы это государство было нашим государством. Государством. Поэтому все, кто сегодня пытаются отрицать правительство, государство и судебные решения, — обычные провокаторы, уничтожающие Польшу. (...) Свобода сегодня часто оборачивается произволом», — Лех Валенса. («Впрост», 4-10 февр.)

- «Я боюсь, что часть епископов до сих пор не понимает, что такое демократическое государство и что такое мировоззренческий плюрализм, с которым власть должна считаться. (...) Причиной тому — политическая ангажированность священников и епископов, и в первую очередь отсутствие единой внятной позиции Епископата относительно тревожных симптомов в текущей политике — я имею в виду нежелание Церкви реагировать на акты агрессии и ненависти», — Тадеуш Мазовецкий («Тыгодник повсехный», 3 февр.)

- «Конкордат, подписанный между польским государством и Ватиканом в 1993 г., оказался неудачной попыткой мирно договориться об отделении Церкви от государства. Это связано с «оппортунизмом политиков-диссидентов, для которых важна поддержка или, как минимум, нейтралитет Церкви как института», — написал автор отчета Института общественных отношений Павел Борецкий с кафедры религиозного права Варшавского университета. (...) «Вопиющим примером нарушения принципа независимости государства от католических иерархов стал публичный призыв дрогичинского епископа Антония Дыдыча к роспуску Сейма», — читаем в отчёте». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 6 февр.)

- «В возрасте 83 лет скончался кардинал Юзеф Глемп. Он был главой католической Церкви Польши с 1981 по 2009 год. За время, пока Юзеф Глемп был примасом, Польша и католическая Церковь пережили три исторические эпохи — военное положение, падение коммунистического режима и создание Третьей Речи Посполитой». («Жечпосполита», 24 янв.)

- «Сейм отклонил в первом чтении подготовленные Союзом демократических левых сил (СДЛС), Движением Паликота (ДП) и Гражданской платформой (ГП) законопроекты, признающие основные права и обязанности лиц, находящихся в постоянных гомо- и гетеросексуальных отношениях. (...) Против дальнейшей работы над проектом проголосовало 46 депутатов ГП, несмотря на обращение Дональда Туска». («Тыгодник повсехный», 3 февр.)
- «Парламентские дебаты о фактических брачных отношениях оказались довольно грустным зрелищем, и нет ничего удивительного в том, что они вызвали всеобщее негодование. Обидные эпитеты и насмешки (...) а сами дебаты довольно быстро превратились в перебранку. (...) В интернете мне попала одна точка зрения, которую я разделяю: «Мне казалось, что государством должны управлять люди, которые руководствуются разумом, а не эмоциями. Однако подобные дебаты демонстрируют, что в Польше считаются исключительно с эмоциями. Наши парламентарии в большинстве своем ведут себя, словно дети, не способные отличить дельного аргумента от инвективы, не видящие разницы между критикой высказанного мнения и критикой личности оппонента. Решения они принимают под действием эмоций, а потом только ищут повод, чтобы объяснить самим себе, почему это мнение является правильным», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повсехный», 3 февр.)
- «Президент Бронислав Коморовский призвал всех участников словесных баталий вокруг фактических брачных отношений сохранять спокойствие, этот призыв касался представителей как левых сил, так и правых. (...) Президент посоветовал участникам дискуссии следить за своей речью “так, чтобы не задеть, не причинить боль согражданам независимо от их ориентации”». («Польска», 1-3 февр.)
- «Я очень боюсь, как бы ситуация в Чехии не начала развиваться по венгерскому и польскому сценарию, когда два противоборствующих лагеря уже не в состоянии вести друг с другом диалог. Это стало бы для нас катастрофой», — Карел Шварценберг («Газета wyborcza», 25 янв.)
- «Поддержка партий: «Право и справедливость» (ПиС) — 30%, ГП — 29%, СДЛС — 13%, крестьянская партия ПСЛ — 7%, ДП — 7%, не определились — 8%. В выборах планирует участвовать 50% опрошенных. Институт «Номо homini», 25-26 янв.». («Жечпосполита», 31 янв.)
- «По прошествии первой половины срока полномочий президента Бронислава Коморовского 74% опрошенных считает, что он хорошо справляется со своими обязанностями, 16% уверены в обратном — сообщает ЦИОМ». («Жечпосполита», 6 февр.)
- «Министр иностранных дел Литвы Линас Линкявичус в Варшаве: «Я приехал, чтобы в духе европейских традиций разрешить проблемы, возникшие вокруг польского меньшинства в Литве. (...) Литва — страна небольшая, и у нашей внешней политики, как у птицы, два крыла: одно — это сотрудничество со скандинавскими странами, второе — сотрудничество с Польшей. А на одном крыле далеко не улетишь». («Газета wyborcza», 8 февраля)
- «Наиболее позитивно мы воспринимаем чехов, — к такому выводу пришёл ЦИОМ. — Мы также довольно высокого мнения о словаках, англичанах и итальянцах. Весьма скептически поляки относятся к цыганам, румынам и русским. ЦИОМ обращает внимание, что в последнее время значительно усилились симпатии поляков к евреям. Если в 1983 г. их выражали 15% опрошенных, то сегодня этот показатель увеличился до 33%». («Жечпосполита», 2-3 февр.)
- «В Чешском Тешине и его окрестностях нарастает антипольская истерия. Полиция допрашивает польских активистов, а в органы власти тем временем поступают доносы на поляков. Конфликт разгорелся вокруг памятника чешскому генералу Йозефу Снейдареку. Для чехов это национальный герой, который в 1919 году «отвоевал у поляков часть Тешинской Силезии». Для наших соотечественников с другого берега Олызы Снейдарек — военный преступник, солдаты которого стреляли в гражданских лиц и убивали польских военнопленных. (...) Небольшой памятник генералу простоял недолго — перед Рождеством он был уничтожен неизвестными». (Петр Кошчинский, «Жечпосполита», 2-3 февр.)
- «Цахиагийн Элбэгдорж, президент Монголии, одной из наиболее динамично развивающихся стран мира, прибыл в Польшу. (...) Десять лет назад Монголия направила своих военных в Ирак, которые были расквартированы на территории, занимаемой польским контингентом. Некоторые из них теперь прибыли в Польшу вместе со своим президентом». («Жечпосполита», 21 янв.)
- «Вчера польский спецназ задержал в Афганистане муллу Саида Рахмана, одного из самых разыскиваемых террористов. Немного ранее в руки поляков попал Абдул Кадыр, тоже фигурировавший в списке особо

опасных преступников и организовавший нападения на польские военные части. За год поляки задержали около 250 террористов». («Жечпосполита», 16 янв.)

- «Во время ночной стычки с талибами погиб капитан Кшиштоф Возняк. Во время операции он руководил подразделением «Гром». (...) Это 38 й польский военный (и первый спецназовец), погибший в Афганистане». («Жечпосполита», 24 янв.)

- «Он боролся за права курдов. Турки арестовали его и пытали. Был приговорен к пяти годам тюрьмы. Бежал в Польшу. (...) В Варшаву из Стамбула он приехал 11 сентября 2012 года. (...) 5 ноября польское Управление по делам иностранцев отказало Джемилю Мамуку в предоставлении статуса беженца, даже не выдав разрешения на пребывание в стране, и постановило депортировать его из Польши». («Газета wyborcza», 18 янв.)

- «Ещё в 2010 г. в «Гардиан» наш бывший президент Александр Квасневский писал (о Казахстане): «Как консультант казахского правительства, я вижу множество причин для Евросоюза поддерживать данную экономическую модель». (...) Алия Турусбекова, жена арестованного казахстанского политика Владимира Козлова: «Тут замешаны деньги. Наше правительство получает огромные средства от продажи нефти и может купить всё и вся, параллельно работая над собственным положительным имиджем, и заграничные советники оказываются как нельзя более кстати. (...) Эти консультанты вместо того, чтобы обратить внимание на нарушение прав человека, рассуждают о демократизации. И это происходит в момент, когда Казахстан переживает наихудший момент своей истории со времен сталинского террора 30 х годов. («Газета wyborcza», 19-20 янв.)

- «Мы не даем советов, как укрепить диктатуру. Никто из нас в этом не разбирается. Но мы можем подсказать, как распрощаться с эпохой «сильной руки» — чтобы в будущем не уповать на очередного жесткого руководителя. Единственный вариант здесь — усилить роль демократических институтов: парламента, судов, гражданского общества. Первая реакция была достаточно прохладной, но сейчас мы встречаем гораздо большее понимание. Голос подает поколение, получившее образование на Западе», — Александр Квасневский («Политика», 6-12 февр.)

- Проф. Михал Кулеша (1948-2013). «Он мечтал об эффективном государстве, хорошо отлаженном, внимательном к своим гражданам, с сильным местным самоуправлением. (...) Идея заключалась в том, что многое действительно вершится во властных структурах, но если люди обретут реальную власть на уровне местного самоуправления, процесс создания демократического государства пойдет куда быстрее. (...) Муниципалитеты на самом деле получили необходимые властные рычаги — независимость коммунальных хозяйств, собственные финансы, а надзор со стороны государства был ограничен на законодательном уровне. (...) Потерпела, в частности, неудачу идея создания корпуса муниципальной гражданской службы, государственная власть не была отделена от муниципальной, значительно усилились полномочия бурмистров и мэров за счет передачи им ряда полномочий совета гмины или городского совета. Михалу это не нравилось. Как говорил проф. Марек Сафьян: «Не ограничивайся теорией, занимайся практикой. Оставь что-то после себя». И Кулеша оставил», — Ежи Стемпень («Газета wyborcza», 15 янв.)

- «Территориальное самоуправление — сегодня в Польше крупнейший работодатель и общественный инвестор, располагающий огромной собственностью. Оно также выступает поставщиком жизненно необходимых для граждан услуг — от общественного транспорта до образования и культуры. Это самая доступная для людей школа демократии. В конце концов, в значительной степени территориальное самоуправление может влиять на местное и региональное развитие, то есть на то, как завтра будем жить мы и как будут жить наши дети. (...) Самоуправление непосредственно влияет на качество нашей жизни. В то же время центральная власть в основном обращает на самоуправление внимание, когда хочет обременить его высокочрезвычайными поручениями», — Ежи Хауснер, бывший министр труда и экономики. («Польска», 8 февр.)

- «Стремительно растет осознание так называемого «права на город». Люди начинают понимать, что город — это не частные владения мэра. Каждый может участвовать в формировании городской среды, высказывать свое мнение, — говорит Ярослав Монковский из Гражданского института. — Действующее законодательство, правда, ничего в этом смысле не меняет, поскольку ключевые решения принимают совет и мэр. (...) Так что мощному движению местных инициатив придется конкурировать с укрепившей свои позиции властью мэра». (Пшемислав Едлецкий, «Газета wyborcza», 31 янв.)

- «О мертвой птице из парка Красинских говорит вся Варшава. «Жертва вырубки!» — восклицают на Фейсбуке противники вырубки деревьев в парке. «Доказательств этого у нас нет», — возражает орнитолог проф. Мачей Луняк. Снимок лежащей на снегу совы разместил на ФБ Гжегож Верешезынский из группы «Зеленая сила», один из самых активных противников вырубки 300 деревьев в парке Красинских. (...) Проф. Мачей Луняк (...)

тоже критически отзываясь о вырубке деревьев в этом историческом парке. Он осмотрел по-прежнему лежащую там сову. Убедился, что птица не относится к разряду неясителей, что это ушастая сова, мигрирующий вид, не живущий в парке постоянно. (...) Птица очень исхудала. «Наверное, умерла от голода, поскольку высокий снежный покров мешает совам охотиться. Кроме того, были сильные морозы. (...)», — объясняет орнитолог. (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 31 янв.)

- «Отчет «Диктат или участие? Диагноз общественной инициативы в Польше» был подготовлен Институтом общественных проблем. Поляков интересует то, чем занимается власть, на практике без малого 31% населения пытается включиться в процесс принятия решений на уровне своей гмины» (Куба Купишевский, «Пшеглэнд», 28 янв. — 3 февр.)

- «18-е место заняла Польша в списке самых экономически развитых стран мира, который опубликовала консалтинговая компания PwC в своем докладе «World In 2015». Впервые Польша появилась в докладе PwC в 2006 году». («Жечпосполита», 17 янв.)

- «960 млрд. евро в расходной части — впервые в истории очередной бюджет Евросоюза меньше предыдущего, на целых 38 млрд. евро. Польша может рассчитывать почти на 106 млрд. евро. (...) — Это один из самых счастливых дней в моей жизни, — заявил вчера в Брюсселе Дональд Туск». («Жечпосполита», 9-10 февр.)

- «После 2004 г. существенно улучшился имидж Польши как страны, в которой налог на хозяйственную деятельность — один из самых низких в Европе, независимо от организационно-правовой формы предпринимательства». («Дзенник — Газета правна», 18-20 янв.)

- «Решение о вступлении Польши в зону евро должно быть принято после парламентских и президентских выборов 2015 года, — говорит президент Бронислав Коморовский. (...) — Сегодня (...) мы должны сосредоточиться на первом этапе: определиться, каковы критерии членства в зоне евро, поскольку мы не просто хотим там находиться (данное решение можно принять и позднее), а потому, что это выгодно польской экономике», — сказал вчера президент в интервью телекомпании TVP1». («Жечпосполита», 22 янв.)

- «На какое-то время нам даже выгодно оставаться вне зоны евро, потому что чем дешевле злотый — тем больше экспорт, а это хорошо сказывается на состоянии нашей экономики. Но если мы не войдем в еврозону в течение двух-трех лет, мы просто выпадем из Евросоюза. Евросоюз набирает вторую скорость, и ключевые решения будут приниматься в зоне евро, а не вне ее. (...) Так что с объявлением своего решения мы должны поспешить. (...) И должны указать, что это будет 2015 год. (...) Если мы окажемся вне зоны евро, то не сможем влиять ни на бюджетную, ни на внешнюю политику Евросоюза, равно как и на решение вопросов безопасности». — Богдан Борусевич, маршал Сената. («Польска», 25-27 янв.)

- «В рейтинге свободы экономической деятельности (Index of Economic Freedom) мы находимся на 57-м месте. (...) У нас хорошо работают принципы свободного товарооборота, монетарная политика стабильна. В то же время у нас есть и сложности — высокий дефицит бюджета и неповоротливая судебная система. (...) Среди 43 стран Европы мы занимаем только 26-е место. («Газета wyborcza», 11 янв.)

- «Доклад «Open Budget Survey», оценивающий степень открытости бюджетов ста стран, готовится каждые два года фирмой «International Budget Partnership» совместно с организациями из определенных стран. (...) Два года назад Польша была на довольно высоком 16-м месте. Теперь она опустилась на 25-е место с коэффициентом открытости 59 пунктов (из ста возможных). Это худший результат начиная с первого опыта участия в таком исследовании (2008 г. — 67 пунктов). Причина в том, что у нас отсутствует так называемый гражданский бюджет, а распределение налоговых поступлений осуществляется крайне неясным образом. Среди стран Евросоюза хуже обстоят дела только у Румынии (49-е место)». («Жечпосполита», 25 янв.)

- «Польша тратит на оборону 1,95% ВВП. (...) Мы — часть береговой линии Евросоюза и НАТО. (...) Закончились пацифистские 90-е, когда мы жили иллюзиями (...) о том, что, вступив в НАТО, сразу обретем тихую пристань. Происходящее в последнее время ярко свидетельствует, что мир изменился до неузнаваемости, а времена настали очень нестабильные. Польские политики отлично понимают, что расходы на оборону необходимы государству, и то же самое понимает и общество», — министр национальной обороны Польши Томаш Семоняк («Газета wyborcza», 14 янв.)

- «Договор с Россией о малом приграничном движении начал действовать 27 июля 2012 года. (...) Жителям приграничных районов уже не нужны визы, необходимо только разрешение на пересечение границы, которое выдается консульством. Поляки ездят за границу, главным образом, за бензином, а россияне — за продуктами и бытовой техникой. (...) Во второй половине 2011 г. жители Калининградской области пересекли границу Польши

693 тыс. раз, а во второй половине 2012-го — 1053 тыс.раз». (Мацей Милош, «Дзенник — Газета правна», 21 янв.)

- «В прошлом году отмечен рекордный рост экспорта польских продуктов — почти 17 млрд. евро. Больше всех польские продукты покупают Германия, Великобритания и Россия, при этом экспорт в Россию вырос значительно больше всего — до 30%». («Пшеглэнд», 20 февр.)

- «В 2012 г. польские предприниматели приняли на работу 223,7 тыс. украинцев, 9,4 тыс. молдаван, 7,6 тыс. белорусов, 1,6 тыс. россиян и 1,4 тыс. грузин». («Дзенник — Газета правна», 7 февр.)

- «Производство промышленной продукции в Польше в декабре 2012 г. выросло на 10,3% по сравнению с декабрем 2011-го. Всемирный банк прогнозирует, что рост польской экономики в 2013 г. составит всего лишь 1,5% ВВП». («Тыгодник повсехный», 27 янв.)

- «В конце января уровень безработицы превысил 14%. (...) Армия польских безработных в январе 2013 г. составила 159,2 тыс. чел». («Газета wyborcza», 9-10 февр.)

- «Европейский комитет статистики сообщил, что безработица среди молодых поляков в конце 2012 г. составила целых 28,4%». («Газета wyborcza», 8 февр.)

- «В конце 2012 г. просрочка финансовых обязательств поляков, составившая свыше 60 дней, достигла 38,29 млрд.злотых. Это на 11% больше, чем в конце 2011 года. (...) Темп роста просроченных обязательств был ниже, чем в 2011-и 2010 гг., когда он составил почти 40%. (...) Однако должников всё прибывает. В прошлом году их количество увеличилось на 170 тысяч. В конце 2012 г. 2,26 млн. поляков не смогли вовремя рассчитаться по своим обязательствам». (Моника Кшесняк, «Жечпосполита», 10 янв.)

- «Около 0,7% составил годовой рост ВВП в четвертом квартале 2012 г., считает министерство экономики. Ранее прогнозировалось, что рост составит 1%. (...) Темпы роста ВВП уменьшались последовательно с 3,6% в первом квартале до 0,7% — в четвертом. (...) Согласно бюджетному законодательству, в этом году польская экономика должна показать 2,2% роста». («Жечпосполита», 9-10 февр.)

- «Совет финансовой политики снизил процентную ставку на 25 базовых пунктов. Главная процентная ставка Национального банка Польши составляет сегодня 3,75%». («Жечпосполита», 7 февр.)

- «Четыре крупнейшие фирмы, торгующие в нашей стране инвестиционным золотом — слитками и монетами, — в 2012 г. продали свыше 4,1 тонн драгоценных металлов. (...) Ожидаемый уровень продажи в этом году составляет около 5 тонн». («Жечпосполита», 11 янв.)

- «По данным фирмы «Nielsen», потребительский оптимизм в Польше в конце 2012 г. составил 68 пунктов. (...) Среднеевропейский показатель составляет 71 пункт, а мировой — 91. (...) При этом всего лишь 12% поляков всерьез встревожены экономическим положением. (...) А 80% поляков считает, что страна вступила в период экономической рецессии». («Жечпосполита», 8 февр.)

- «В 2010 г. численность бездомных во всей стране превысила 43 тысячи». («Жечпосполита», 9-10 февр.)

- «Угрозы, связанные со снижением потенциала нашего экономического роста, не всем очевидны. Мы до сих пор находимся под впечатлением успехов последних 20 лет, когда довольно быстро догоняли страны Евросоюза. А может быть, нас устраивало то, что у нас было, и поэтому общественное мнение не оказывало ни тени давления? С таким сценарием мы рискуем постоянно отставать в развитии от других стран Западной Европы и со временем можем превратиться в эдакого европейского карлика. Со временем это приведет к еще большей волне эмиграции способных и предприимчивых людей. У нас есть стратегия «теплой воды в кране» и доктрина «Здесь и сейчас». Эти формулировки придумали политики, которые именно так понимают пожелания электората», — проф. Станислав Гомулка, бывший замминистра финансов («Жечпосполита», 21 янв.)

- «Мы даже не заметили, как рыночная экономика превратила нас в рыночное общество. (...) Рыночное общество — это стиль жизни, когда общественные отношения становятся отражением законов рынка. Этику человеческого поведения подменяет экономика. (...) Рынок приводит ко всё более глубокому расслоению общества. В итоге мы получили сегрегацию, разделение социума на богатых и бедных, после чего неизбежна агония демократического общества», — Майкл Дж. Сандель («Форум», 17 дек. 2012 — 6 янв. 2013, по материалам «Шпигеля» от 12 ноября 2012)

- «Сегодня классовых различий не существует и разница между людьми постигается исключительно через призму денег. (...) И сочетание общественного равенства с неравенством материальным представляется особенно опасным. По-прежнему существует огромная пропасть между богатыми и бедными, но нет классового разделения, которое делало существование этой пропасти относительно сносным, во всяком случае хоть как-то его объясняя. Слом этой иерархии высвободил целые пласты зависти и нездоровых, нереальных амбиций». (Эдвард Скидельский, «Дзенник — Газета правна», 1-3 февр.)
- «В 2012 году Государственная санитарная инспекция проверила столичных детей на наличие вшей. Проверке подверглись 111 детских садов, начальных школ, гимназий и лицеев. На 64 объектах были обнаружены дети, у которых имелись вши». («Жечпосполита», 30 янв.)
- «Из польских больниц исчезают умывальники, унитазы, смесители для ванн, насадки для душа, жидкое мыло и полотенца, туалетная бумага, стулья, раскладушки, беспроводные чайники, регуляторы батарей, телевизионные пульты, лампочки, дверные замки, тарелки, кухонные приборы, а из детских отделений — еще и игрушки. (...) Все эти кражи главным образом на совести родственников пациентов. (...) Это подтверждает проф. Петр Чаудерна, ординатор Клиники хирургии и урологии детей и молодежи Гданьского медицинского университета». (Анна Шмигулец, «Газета wyborcza», 18 янв.)
- «Частные клиники наживаются за счет государственных, забирая себе пациентов, лечить которых проще и дешевле. А тяжелобольные отправляются в государственные лечебные учреждения. Первые получают прибыль и считаются успешными. Вторые должны быть довольны тем, что живут в долг и получают удовлетворение от хорошо выполненной работы. (...) Наиболее емко обрисовал ситуацию врач, который (...) работает в государственной клинике и одновременно имеет практику в частной: — Если бы у меня был выбор, где лечить поврежденное во время катания на лыжах колено, я лег бы в собственную клинику, лежал бы себе в двухместной палате с белыми занавесками. Но если бы у меня отказала поджелудочная, я умолял бы коллег из государственной больницы положить меня к себе, пусть бы и в коридоре». (Мира Суходольская, «Дзенник — Газета правна», 1-3 февр.)
- «Судья Игорь Тулея под огнем критики. Тулея вынес обвинительный приговор варшавскому кардиохирургу, признав того виновным в коррупции, одновременно направив в Центральное антикоррупционное бюро и прокуратуру уведомления о нарушении этими структурами норм уголовного процесса во время следствия по делу. Речь идет, кроме прочего, об обоснованности 24 задержаний и ночных допросов лиц, достигших 70 лет (самому старшему из которых было 82 года). (...) В защиту независимости судьи выступил президент Бронислав Коморовский». («Тыгодник повсехный», 27 янв.)
- «Он действовал строго в рамках закона и принимал решение от имени государства. (...) Нам известно о фактах угроз судье, практически это угрозы физического насилия. (...) Критика вынесенного им приговора давно перешла всякие разумные границы. (...) Тулея молчит. (...) Молчит и председатель этого суда. Молчит министр юстиции Ярослав Говин. А тут надо кричать!» — Богдан Врублевский («Газета wyborcza», 19-20 янв.)
- «Судья Игорь Тулея — один из немногих, кто вспоминает, что суд обязан следить за неукоснительным соблюдением главы II конституции. Гарантированные этим документом права и свободы человека и гражданина всегда должны быть той границей, которую не может переходить государственная власть. (...) Всепольский совет судей принял беспрецедентную резолюцию в поддержку судьи Тулеи, пойдя наперекор воле председателя совета. Свою поддержку судье выразил также Главный адвокатский совет Польши». (Адам Боднар, «Тыгодник повсехный», 20 янв.)
- «Я убежден (...) что в дебрях законов и предписаний мы, однако, не утратили способности отличать хорошее от плохого. Эта способность свойственна большинству людей и называется чувством справедливости», — судья Игорь Тулея («Газета wyborcza», 26-27 янв.)
- «Падает количество уголовных дел, связанных с коррупцией, зато растут суммы взяток. (...) 15,6 млн. злотых взяток в общей сложности, должно быть, получили в 2012 г. государственные служащие (у полиции есть соответствующие доказательства). 10,8 тыс. коррупционных преступлений зафиксировала полиция в 2012 г. в ходе следственных действий. («Жечпосполита», 29 янв.)
- «Пока Польша не выяснит, прошел ли аукцион при строительстве трех автодорог, она не получит 11 млн. евро дотаций, — заявила вчера Ширин Уилер, пресс-секретарь Еврокомиссии. (...) Ценовой сговор не был пока выявлен ни контролерами Еврокомиссии, ни Агентством внутренней безопасности (АВБ). По итогам следствия, проведенного АВБ, предъявлены обвинения десяти менеджерам строительных фирм». («Газета wyborcza», 31 янв.)

- «В прошлом году органами казначейства выявлено рекордное количество фиктивных счетов-фактур. (...) Это почти 152 тыс. документов. Рост (27% по сравнению с 2011 г.) (...) продолжается годами, при этом мы имеем дело с ростом стоимости выявленных счетов — 15,2 млрд. злотых, что на 160% выше, чем в 2011 г. и в четыре раза больше, чем в 2010-м. (...) Схема такова: приобретаются счета, выставяемые несуществующими фирмами либо выставяемые несуществующим фирмам. В иных случаях формально эти фирмы могут быть зарегистрированы, но не осуществлять хозяйственной деятельности. (...) Мошенники платят, к примеру, безработным или студентам за то, чтобы те зарегистрировали на свое имя фирму, которая будет выставлять счета на миллионы злотых. На основе этих счетов очередные фирмы — звенья данной цепочки — могут вернуть себе НДС либо иные налоговые издержки. Может быть и так, что фирма выставит счет, якобы продавая свою продукцию несуществующей организации. Благодаря такой схеме она может продать товар дешевле, так как он не будет облагаться налогом». (Гражина Лешняк, «Дзенник — Газета правна», 29 янв.)
- «Государственное казначейство должно выплатить компании «MCI Management SA» свыше 40 млн. злотых. Такое решение принял в четверг Вроцлавский апелляционный суд во. Это компенсация за деятельность контролирующих органов казначейства, в результате которой прекратила свое существование компания «JTT Computer». «MCI Management SA» была ее главным акционером». («Газета wyborcza», 18 янв.)
- «Количество преступлений, совершенных в интернете, выросло в прошлом году на 35% и составило почти 20 тысяч. В то же время в неvirtуальном мире наблюдаются обратные тенденции. В 2012 г. снизилось число вооруженных разбоев, меньше было убийств, драк и избиений, повреждений и краж автомобилей. (...) В интернете чаще всего совершают мошенничества. (...) На втором месте — преступления против нравственности, связанные с распространением детской порнографии и педофилией. (...) Нарушение авторских прав и права собственности чаще всего были связаны с кражами программного обеспечения». (Мацей Милош, «Дзенник — Газета правна», 16 янв.)
- «Это первая такая акция в Польше: Научно-академическая компьютерная сеть (НАКС), институт, курирующий рынок доменов с окончанием «.pl», решила применить силу и отобрать домены у киберпреступников. (...) Всего таких доменов оказалось 23. (...) С их помощью создатели вирусов заражали очередные компьютеры и управляли целой сетью инфицированных машин. С этих компьютеров отдавались команды — например, из разных уголков мира атаковать сервер какой-нибудь фирмы, чтобы затем потребовать «отступные». Или красть пароли банковских счетов, данные кредитных карт, замата за собой следы. (...) 300 тыс. польских компьютеров работало под контролем так наз. «ботнета», очень опасного, который в четверг был обезврежен при помощи НАКС». (Томаш Грынкевич, «Газета wyborcza», 19-20 янв.)
- «Отчет GRECO (Группа стран по борьбе с коррупцией) уже в четвертый раз касается и нашей страны. (...) В нем содержится 16 рекомендаций для Польши — упомянуты те сферы, где необходимо внести изменения в законодательство либо скорректировать правоприменительную практику. Согласно данным GRECO, польские парламентарии, судьи и прокуроры часто не знают, как поступать в щекотливой ситуации и в чем заключается конфликт интересов. (...) Депутаты не в курсе, какое поведение следует считать недопустимым, какие доходы, личную заинтересованность и ангажированность необходимо декларировать. (...) Из отчета прямо следует, что многие депутаты устраивают свои личные дела при помощи определенных государственных механизмов. (...) Рекомендации GRECO касаются также судей и прокуроров. (...) У Польши есть 18 месяцев для того, чтобы выполнить предписания GRECO». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 25 янв.)
- «Депутат Анджей Пентак («Движение Паликота») — собственник фермы норок в Воловце (Западнопоморское воеводство). Согласно его декларации в хозяйстве «в зависимости от репродуктивного цикла» находится от 13 до 70 тыс. норок. Заявление в прокуратуру было направлено в результате общественного расследования, которое в прошлом году на 53 фермах пушных животных провели волонтеры организации «Открытые клетки». (...) Было задокументировано, что на ферме депутата Пентака находятся искалеченные и больные животные, которых никто не лечит, клетки переполнены, что провоцирует у животных агрессию и травмы. Кроме того, в клетках полно насекомых. (...) Трупы животных выбрасывают за забор, сточные воды выведены прямо на лужайки, мягкий грунт под клетками приводит к тому, что нечистоты попадают в грунтовые воды. Некоторые норки выбрались из клеток самостоятельно», — говорит Доброслава Карбоняк, активист организации, один из авторов отчета». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 25 янв.)
- «За какие-то два-три года наш менталитет изменился, — считает депутат Павел Саский, председатель Парламентской группы защиты животных. (...) Люди всё больше убеждаются, что животные — не бездушные вещи, что к ним необходимо относиться с уважением, а прокуратура уже не закрывает автоматически дела подобного рода. (...) «К нам поступило, наверное, от 4 до 6 тыс. обращений, — сообщает Петр Яворский из Общества опеки над животными в Польше. — Нам пишут люди из разных уголков Польши, часто из провинции.

При этом они отдают себе отчет в том, что это может иметь для них неприятные последствия. Соседи могут от них отвернуться и даже начать третировать. Несмотря на это они решают уведомить нас, поскольку не могут больше равнодушно смотреть на страдания животных». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 26-27 янв.)

2: ГОРДИЕВ УЗЕЛ ДЛЯ МНОГИХ НАРОДОВ

Профессор Даниэль Бовуа — не только выдающийся славист, человек высокого статуса, но и просто счастливчик: ему удалось издать свои труды во всех странах, о которых он в них пишет. В те времена, когда его карьера начиналась, это было не только невозможно — этого нельзя было даже представить.

В последнее время очень модным становится понятие «альтернативная история». В сущности это не наука, а фантазия: что бы случилось, если бы не случилось то, что случилось. И вот, как грибы после дождя, появляются работы относительно будущего Европы и мира в случае, если бы Гитлер победил во Второй Мировой войне. Известный, ныне уже покойный, украинский писатель Василь Кожелянко несколько лет тому назад написал роман «Парад в Москве» о том, как союзная Третьему Рейху Украина победила Сталина и тиран был убит руками солдат отборных украинских спецподразделений, настигших его в кремлевских подземельях. Польский публицист Пётр Зыхович недавно выпустил книгу в несколько сот страниц, в которой рассуждает, что было бы, если довоенная Польша вместе с Гитлером ударила бы в 1939 г. по большевицкой России, а не наоборот. Зыхович, ясное дело, считает, что Польша от этого бы только выиграла, хотя его за этот тезис в Польше сильно критиковали (по моему мнению, вполне заслуженно).

Неудивительно, что культивирование близкой к современности «альтернативной истории» часто возбуждает эмоции, споры, полемику. Гадания «если бы да кабы» насчет далекого прошлого не так опасны. Однако в польско-российско-украинском треугольнике даже события, отстоящие на несколько веков, кажутся горячими, свежими и по-прежнему вызывают отклик, как будто произошли вчера и еще живы люди, которые помнят о тех происшествиях. Поляков возмущает, что русские отмечают 4 ноября 1612 г., т.е. дату «изгнания из Москвы польских оккупантов». Русские не могут простить нам вмешательства в российские дела в Смутное время. Некоторые даже помнят о походе вглубь России короля Стефана Батория и захвате им Смоленска.

С польско-украинской историей дело обстоит еще хуже. Споры об оценке гетмана Богдана Хмельницкого по-прежнему разделяют историков из Польши и Украины. Многих украинцев раздражает тон романа «Огнем и мечом» Генрика Сенкевича, который для многих поляков стал синонимом великолепной патриотической литературы. Образ Тараса Бульбы и поныне разделяет нас до такой степени, что люди задумываются, не поссорит ли вновь наши народы недавно снятый фильм по мотивам произведения Николая Гоголя.

В свою очередь русские до сих пор не могут простить украинцам гетмана Ивана Мазепу и его предательство/поворот против России. Выражение «Ты, Мазепа!» — по-прежнему ругательное, хотя редко употребляется в разговорной речи.

Не знаю, отдавал ли себе отчет Даниэль Бовуа, во что он ввязывается, берясь в 1970-е годы за анализ национально-общественных отношений на территории нынешней Украины с начала XVIII до начала XX века. Во-первых, он нашел себе занятие почти на всю научную жизнь, так как тема эта столь обширна, что исследовать ее за несколько лет невозможно. Во-вторых, он оказался в центре спора между поляками, украинцами и русскими, который столетиями велся в Восточной Европе, а в XIX веке мы наблюдаем его переход в современное измерение, приведший к появлению национального государства.

В Польше проф. Бовуа известен главным образом как исследователь польско-украинского пограничья и демистификатор нашей истории XX столетия и более ранних веков. Именно он первым осмелился громко заявить — и доказать это на основании изучения архивов, — что взаимоотношения между польской шляхтой и украинским народом в XIX в. и ранее вовсе не были столь радужными, как до сих пор утверждают многие польские историки, идеализирующие этот период и феномен сосуществования культур в прежней Речи Посполитой. Полякам приятно гордиться тем, что прежняя Речь Посполитая была образцом свобод и терпимости — хотя бы религиозной — и одновременно колыбелью демократии, выражавшейся в свободном избрании правителей и шляхетских сеймиках, на которых по принципу единогласия принимались важнейшие решения. При этом, однако, польские историки забывают, что терпимость часто существовала только на бумаге, а шляхетская демократия распространялась всего на 2% тогдашнего общества, ибо, согласно оценкам, таким было в то время количество шляхты по сравнению с остальным населением. Наконец, шляхетская демократия — особенно в ее позднем издании — была по сути дела властью олигархов, а не шляхты, так как именно богачи распоряжались тем, как должны голосовать мелкопоместные, зачастую не обладавшие ничем, кроме шляхетского

титула. Бовуа изложил это четко и документированно, за что одни его уважают и восхищаются им, а другие проклинаят на чем свет стоит.

Естественно, при описании польской шляхты и украинского народа в XIX веке историку пришлось столкнуться и с российской властью, так как формально в то время Польша входила в состав царской империи. И здесь снова совершенно неочевидный вывод: польская шляхта, которая часто была в оппозиции к российским властям, боролась с ними во время восстаний, замышляла и устраивала заговоры против них, одновременно просила у них помощи в подавлении бунтов украинского крестьянства. Об этом не прочтешь в польских учебниках истории, так как это противоречит тезису о патриотическом сопротивлении и всеобщем нежелании сотрудничать с российскими захватчиками в XIX веке. Неудивительно, что Бовуа — по происхождению француз, по увлечению и образованию славист — нашел общий язык со средой эмигрантского парижского журнала «Культура», издававшегося с окончания Второй Мировой войны и до конца прошлого века. Именно на страницах «Культуры» излечивались польские комплексы и отвергались великодержавные иллюзии вроде возврата Вильнюса, Львова или Гродно. Там учили уважению к субъектности литовцев, белорусов, украинцев и верили, что когда-нибудь станут возможными корректные польско-российские отношения. Сегодня мечта «Культуры» в значительной степени осуществилась, хотя есть еще проблемы и люди — или даже целые круги, — которые не желают признавать это наследие. Но в основном мы уважаем государственность, культуру, облик друг друга, признаем друг за другом право иметь иной взгляд на историю. И даже если нам что-то не нравится или у нас в Восточной Европе нет между собой согласия, мы не убиваем один другого, как это было принято еще совсем недавно. После падения СССР мы избежали судьбы Балкан, а каждый, кому известно, как выглядели войны в бывшей Югославии, поймет, что это вовсе не так уж мало.

Трехтомный труд Даниэля Бовуа «Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914)», который наконец вышел и на русском языке (ранее он был издан на французском, польском и украинском), объясняет причины неприязни между поляками, украинцами и русскими на примере одного из регионов бывшей Речи Посполитой/Российской империи/Украины. В нем показано, что с учетом господствовавших тогда общественно-политических условий, трудно представить себе, что история могла бы сложиться иначе. Хотя вместе с тем Бовуа иногда тоже поддается искушению написать «альтернативную историю». Так, он утверждает, что причиной всех позднейших бед Речи Посполитой была ее неспособность в XVII веке достичь соглашения с казаками Богдана Хмельницкого. Россия использовала этот шанс и на долгие столетия захватила контроль над Украиной. Только стало ли от этого лучше украинцам? Это уже совсем другой вопрос.

С другой стороны, могла ли Россия лучше закрепиться над Днепром, если бы более благосклонно смотрела тогда на развитие украинской культуры, письменности, искусства? Она опасалась, что слишком активный и сильный украинский элемент перейдет на сторону поляков либо предпримет усилия к созданию собственного государства. Поэтому в Российской империи украинский язык столь мощно вытеснялся из публичного обихода. Решением царя его дозволялось использовать только в литургических текстах и церковном пении. Еще один парадокс состоит в том, что те, кто в течение столетий сдерживали развитие украинского самосознания — польские шляхтичи, — часто становились украинцами по собственному выбору, учили украинский язык, меняли свои фамилии на украинские, поддерживали или попросту создавали украинскую письменность. Впрочем, то же происходило и в Белоруссии.

Благодаря парижской «Культуре» и книгам Даниэля Бовуа, находящимся в польском историческом обороте более 20 лет, поляки хотя бы начали сводить счеты с совестью по отношению к восточным соседям. Россия — а также российская историография — лишь приступает к тому, чтобы серьезно заняться этими территориями, рассматривая их как нечто отдельное, а не часть русского мира. Интересно, каким образом будут проводиться эти исследования и удастся ли с их помощью изменить сознание русских, подобно тому, как некогда проф. Бовуа открывал глаза полякам. Издание на русском языке труда французского историка на столь чувствительную и деликатную тему может стать таким импульсом, стимулом, вдохновением. Однако российская наука может пойти и путем наименьшего сопротивления, возложив всю вину на поляков, которые помешали так хорошо начинавшейся русификации украинцев и постепенному слиянию их культуры и идентификации с русской культурой.

Таким образом, собранная в одном томе трилогия Даниэля Бовуа в каком-то смысле универсальна и в то же время индивидуальна. Представители каждого из народов Восточной Европы, которых она касается: поляки, украинцы, русские, — читают ее со смешанными чувствами. Поляки — со стыдом за то, что каким-то образом позволили себе быть колонизаторами, и не где-то в Африке, а здесь же, по другую сторону границы. И в то же время с гордостью за то, что когда-то Польша была государством, способным притягивать к себе другие народы, потому что ведь не только в войне и насилии состояло польское воздействие на восточного соседа. Украинцы

прочитают трилогию проф. Бовуа с сожалением и злостью из-за того, что им так долго не удавалось создать собственное государство, но и с восхищением тем, что даже в трудных условиях их соотечественники сохранили культуру, язык, национальный облик. Русский может прочитать труд историка с сожалением или злостью из-за утраченной империи и даже обвинять всех вокруг в ее падении. Но он может и задуматься о том, представляет ли собой экспансия верный и достаточный способ построения собственной идентичности, особенно в современном мире. Впрочем, любая экспансия когда-то достигает своего предела, а никакая империя — даже самая могущественная — не вечна.

Итак, Даниэлю Бовуа удалось создать необычное произведение — ограниченное конкретным историческим и культурным контекстом и вместе с тем вневременное, универсальное для нескольких народов, каждый из которых прочитает его по-своему. Возможно, это удалось ему, потому что он француз: непредубежденный автор извне всегда лучше ухватит истину, чем исследователь, вольно или невольноотягощенный локальным контекстом, собственным опытом и обстоятельствами жизни.

Бовуа повезло вдвойне: его книга издана во всех странах, о которых он пишет. В каждой из них он представлял свой труд, сталкивался с его приемом и различными, не всегда благоприятными, отзывами. Он сам мог убедиться в том, что именно раздражало читателей в каждой стране и что раздражает их по сей день. Может ли исследователь мечтать о большем и добиться большего успеха? На месте проф. Бовуа я написал бы об этом четвертый том его книги — современный. А если не сам историк, то, может быть, его молодые последователи?

Автор — публицист, много лет был корреспондентом «Газеты выборчей» на Украине и в России.

3: ВТОРОЙ УКОС «ВИСЛЫ»

История то и дело призывает поляков к ответу, ставя перед ними трудные вопросы. Едва затих скандал вокруг фильма «После жатвы» (или «Второй укос» — «*Pokłosie*»), как уже разрастается новый, в связи с операцией «Висла» 1947 года.

Комиссия Сейма по делам этнических меньшинств приняла проект резолюции (автор — Мирон Сыч, депутат от «Гражданской платформы» — ГП), осуждающей операцию «Висла». Напомним, что в период с апреля по август 1947 г. польскими военными и органами госбезопасности около 140 тыс. украинцев были депортированы с территории юго-восточной Польши — главным образом в Щецинское и Ольштынское воеводства. Проведение операции объяснялось необходимостью отсечь украинских партизан (так называемых банд УПА — Украинской повстанческой армии) от их тылов, а также баз продовольствия и укрытия. Непосредственным же поводом, активно использовавшимся пропагандой, стала смерть генерала Кароля Сверчевского 28 марта 1947 г. в засаде под Балигрудом.

Однако депортация затронула и украинское население с территорий, на которых отряды УПА не действовали, в том числе лемков, что позволяет некоторым исследователям справедливо предполагать, что власти преследовали более важную цель — создать этнически однородное государство, ослабив при этом антикоммунистическое движение сопротивления.

Проф. Гжегож Мотыка, автор книги «От волынской резни до операции «Висла». Украинско-польский конфликт 1943–1947» (удостоена Исторической премии «Политики») пишет, что до 1945 г. с УПА можно было справиться довольно легко и не было необходимости в столь крупной операции, во время которой были допущены тяжкие преступления против украинского гражданского населения.

Операция совершалась в соответствии с инструкцией, которая отводила два часа на то, чтобы собраться и покинуть дом, при этом можно было воспользоваться только двумя конными подводами. Остаток имущества поступало в распоряжение властей для передачи польскому населению, перемещаемому из других регионов (что в результате не дало большого эффекта, поскольку в ходе первой волны депортаций на опустевшие территории переселилось менее 7 тыс. человек).

В рамках операции «Висла» люди, подозреваемые в сотрудничестве с УПА, а также интеллигенция и священники Греко-католической Церкви исключались из общей массы депортируемых и направлялись в тюрьмы, а также Центральный лагерь труда в Явожно — бывший немецкий концлагерь. Из 4 тыс. человек, попавших туда, 150 умерли.

В проекте резолюции Сейма говорится, что в операции «Висла» был реализован принцип коллективной ответственности, присущий «тоталитарным системам», а также что в Явожно людей сажали «без малейших

доказательств вины, единственно на основании критерия национальной принадлежности». Однозначно подтверждается также, что «в лагере были созданы крайне тяжелые условия, заключенных подвергали пыткам».

При этом комиссия ссылается на резолюцию Сената, осудившую операцию «Висла», и напоминает, что в 2002 г. сожаления по этому поводу выразил тогдашний президент Александр Квасневский, а в 2007 г. президент Лех Качинский вместе с украинским президентом Виктором Ющенко также осудили ее в совместном заявлении.

Однако уже в ходе заседаний комиссии обнаружилась разница мнений, тут же выплеснувшаяся наружу в интервью политиков, комментариях СМИ и сетевых дискуссиях. Делегаты «Права и справедливости» (ПиС) внесли предложение — которое однако не было принято — отклонить резолюции в первом чтении, а Дорота Арчишевская-Мелевчик заявила: «Мы, поляки, всё время вынуждены просить прощения то за одно, то за другое».

Она обратила внимание на то, что после резолюции Сената 1990 г. с украинской стороны не последовало ни одного жеста, который свидетельствовал бы о доброй воле, «либо признания, что и польским гражданам кто-то тоже нанес урон», ссылаясь на ощущение явной несправедливости в отношении поляков в период войны и послевоенное время: «Нельзя примириться с фактом страданий жертв бандитских нападений ОУН–УПА, наблюдая их безнаказанность и возвеличивание Бандеры и ему подобных, которые уготовали полякам такую трагическую судьбу».

На заседании той же комиссии проект резолюции поддержал представитель Союза украинцев в Польше, деятели которого многие годы утверждают, что операция «Висла» привела к потере национального облика у значительной части живших в Польше украинцев, к ликвидации их традиции и культуры, а последствия событий 65 летней давности сказываются до сих пор.

Против резолюции выступили члены организаций пограничья, которые, в свою очередь, также многие годы добиваются прежде всего осуждения украинских преступлений на Волыни (и не только там) и протестуют против одностороннего, по их мнению, признания поляками вины и преступлений.

Оценка операции «Висла» поэтому невозможна в отрыве от длинной цепи исторических событий, начинающихся по крайней мере с 1943 г., хотя в принципе можно было бы установить их непосредственную или опосредованную связь с польско-украинскими отношениями и конфликтами, происходившими до 1939 г., если уж не углубляться до времен Хмельницкого. Этим можно объяснить непонятное на первый взгляд одобрение депортации 1947 г. польским обществом, которое во всех других вопросах неизменно критикует действия и решения новых польских властей после 1945 года.

Нет недостатка в доводах, что подобно коммунистам вели бы себя в отношении украинцев и политики довоенной Польши, что они тоже не остановились бы перед депортациями. На это обращает внимание и проф. Мотыка, когда пишет, что антикоммунистическое сообщество поддерживает в этом случае политику Польской рабочей партии, то есть на самом деле Москвы: «Многие из этих людей сильно пострадали от коммунистической власти. Но несмотря на это часто повторяют ее аргументы».

Над «Вислой», таким образом, тяжким грузом нависает «Волынь», то есть прежде всего проводившаяся в 1943 г. отрядами ОУН-Б и УПА операция по «зачистке» от поляков территорий, считавшихся исконно украинскими, продолжавшаяся вплоть до 1945 г. под другими лозунгами и названиями. В итоге, как принято теперь считать, в 1943-1947 гг. погибло около 100 тыс. человек. Украинцев же, с которыми боролось польское подполье и различные организации самообороны, в сумме погибло 10-15 тысяч. «Это не отменяет того факта, — заключает Гжегож Мотыка, — что большинство украинских жертв — как и с польской стороны — принадлежали к гражданскому населению и нередко это были женщины и дети. Польские действия, направленные на украинское гражданское население, в нормальных обстоятельствах вызывали бы горькое недоумение, однако они меркнут в сопоставлении с утратами, понесенными польской стороной. Если сравнить жертвы Волыни, то разница просто поразительная: с польской стороны погибло, возможно, до 60 тыс. человек, а с украинской едва ли больше 2-3 тысяч».

Можно сказать: не стоит удивляться, что во многих головах и сердцах не укладывается мысль о том, чтобы просить у украинцев прощения за операцию «Висла», если они сами еще не готовы соответствующим образом заглаживать свою вину. И даже наоборот — чтят память и деяния своих националистических организаций и их предводителей. Однако это не вполне справедливо. С украинской стороны также было немало жестов раскаяния и искренних выражений сожаления по поводу волынских преступлений, и тем не менее в Польше сильно ощущение асимметрии, и оно справедливо.

Достаточно хотя бы сопоставить исследования польских и украинских историков, а также многочисленные и противоречивые высказывания с обеих сторон. Польское отношение к памяти и кошмарам прошлого поистине исключительно на фоне остальной постсоветской Европы. Как раз недавно в Польше вышла книга «Бандера. Террорист из Галиции» Веслава Романовского, журналиста и дипломата, в которой предпринята попытка объективно изложить драматическую биографию сегодняшнего героя многих украинцев, который всю жизнь вел борьбу за независимую Украину. В том числе, а может быть — прежде всего, с Польшей и поляками. Борьбу террористическую, фанатичную, преступную.

Смесь доводов разума, претензий и скорби не облегчает жестов примирения, тем более что, как было заметно в ходе заседаний комиссии, ПиС в своей исторической и современной политике не склонна к извинениям. Лично председатель партии Ярослав Качинский к проекту резолюции отнесся критически, хотя — по его характеру — довольно сдержанно. Он одобрил политические решения и действия властей в 1947 г. и не считает, что операцию «Висла» следует осуждать, особенно поскольку «украинцы не хотят осудить геноцид УПА».

Не было однако ни слова о «позорной и предательской политике ГП», возможно потому, что именно Лех Качинский ранее способствовал процессам польско-украинского примирения, несмотря на трагический опыт времен войны. За это он часто подвергался нападкам, в том числе со стороны о. Тадеуша Исаковича-Залеского, который считал, что президент по политическим мотивам и для укрепления своей концепции польского лидерства в регионе готов замалчивать волынские преступления.

Еще хуже обстояло дело на интернет-порталах, где вылилась настоящая волна ненависти и оскорблений по адресу ГП и всех, кто якобы пренебрегает истинными национальными интересами. Преобладала точка зрения, что операция «Висла» была абсолютно оправданной и необходимой. Такие настроения, видимо, легко возбудить и затем поддерживать.

Вероятно поэтому, как следует из первых заявлений, проект резолюции не получил поддержку ни крестьянской партии ПСЛ, которая не захотела идти вразрез с эмоциями своего электората — сельского или приграничного, ни — что естественно — «Солидарной Польши». За его принятие выступили, что тоже естественно, Союз демократических левых сил и Движение Паликота.

Понятно, что значительная часть этих заявлений и действий обусловлена нынешней политической борьбой, вписывается в современный конфликт и служит интересам его участников. Однако признаем: можно и должно понять чувства общества, в которых смешиваются вина и обида, что затрудняет определение адекватных моральных норм и справедливые оценки. События польско-украинских конфликтов — яркий тому пример. Здесь много незалеченных ран, национальных предубеждений и исторических стереотипов.

Однако представляется, что с точки зрения морали и гражданственности мы лучше всего выглядем тогда, когда рассуждаем о собственной вине, а не о чужой, когда берем ответственность за свое прошлое, а не ищем ему оправдания в чьих-то прегрешениях и когда обращаемся с другими так, как хотели бы, чтобы обращались с нами. Это и есть истинное проявление демократии и независимости, а также гордости народа.

4: ПЕТЕРБУРГСКО-ВАРШАВСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СВЯЗИ

Главная артерия Санкт-Петербурга — Невский проспект: Дом Вавельберга — Мариан Перетяткович, Торговый дом Мертенса — Мариан Лялевич, Сибирский торговый банк — Мариан Лялевич (соавтор перестройки), Пассаж — Рудольф Желязевич, Международный торговый банк — Станислав Бжозовский, Дом Панина (кинотеатр «Паризиана») — Мариан Лялевич (перестройка), Московский вокзал (бывший Николаевский) — Рудольф Желязевич и Антон Клевщинский (соавторы).

Сердце Варшавы — Краковское Предмесье: Дворец Сташица — Мариан Лялевич (возвращение исторического облика), Университетские ворота — Стефан Шиллер, бывшая Библиотека Варшавского университета — Стефан Шиллер и Антон Яблонский-Ясенчик, отель «Бристоль» — Владислав Маркони, находящийся неподалеку виадук на Каровой ул. — Стефан Шиллер (архитектурное оформление), памятник Адаму Мицкевичу — Юзеф Пий Дзеконский и Владислав Маркони (проект цоколя и распланировка окружающего пространства).

Что объединяет названных архитекторов? — Годы учебы или работы в Императорской Академии художеств в Петербурге.

УЧЕБА В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисовальщик, историк искусства и архитектор Станислав Ноаковский, обучавшийся в течение 8 лет на архитектурном отделении Академии, в «Автобиографическом очерке» написал: «Петербург! Ошеломляющее впечатление от могучей, великолепной столицы, столь богатой шедеврами искусства... Художественный мир России находился на высоком уровне, я считаю своим счастьем, что познакомился с этим размахом, с масштабом не нашего уровня. Без пребывания в России я не был бы тем, кем стал». Многие из длинного перечня польских художников, скульпторов, архитекторов и реставраторов памятников архитектуры, обучавшихся в Императорской Академии художеств, могли бы подписаться под этими словами.

То, что поляки стали обучаться в России в XIX в., было следствием историко-политического положения — отсутствия суверенитета, а также репрессий царского режима, обрушившихся после восстания на польское просвещение. В случае архитектурного образования решающую роль играли, с одной стороны, ликвидация учебных заведений этого профиля в Варшаве после подавления восстания 1863 г., с другой, — преимущества, связанные с образованием в российской столице. Обучение в Петербурге обеспечивало высокое профессиональное положение и позволяло сделать карьеру на всей территории Российской Империи, а это было государство, в котором статус архитектора был окружен уважением. В отличие, например, от территории Польши, захваченной Пруссией, в России польские архитекторы могли занимать высокие управленческие должности, выполнять правительственные заказы, принимать участие в архитектурных конкурсах и даже проектировать объекты стратегического значения: железнодорожные, военные и тюремные.

Одним из важнейших петербургских училищ, в котором во второй половине XIX — начале XX столетия поляки из Царства Польского и бывших восточных воеводств Первой Речи Посполитой получали архитектурное образование, была Императорская Академия художеств. Ее архитектурное отделение выпустило свыше ста польских архитекторов, в том числе многих выдающихся творцов.

Следует отметить, что образование в этом учебном заведении было образованием художественным, а не инженерным. Выпускники получали квалификацию архитектора-художника. Традиционные занятия давали им фундаментальные знания в сфере греческой и римской культуры и традиций. Совершенствование чертежных и композиционных умений на практике заключалось в кропотливом многочасовом рисовании так называемых гипсов, то есть копий античных скульптур. Вместе с тем лучшие, наиболее способные студенты, будучи правительственными стипендиатами, в качестве поощрения выезжали за границу в Италию, Францию, Бельгию, Австрию, Германию и Англию, где имели возможность знакомиться с самыми новыми течениями в архитектуре и других видах искусства.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА

Когда мы говорим о поляках в Императорской Академии художеств, ключевое значение имеет культурный контекст. Поскольку они получали образование не просто в России, а в Петербурге — месте исключительном на культурной карте Российской Империи. Этот, уже с момента своего основания самый европейский из всех российских городов, сравниваемый с Венецией и Парижем, «окно, через которое Россия смотрит на мир», давал обучающимся здесь полякам возможность общения с большим искусством и большой архитектурой западного типа. В формировании эстетических взглядов существенным было художественное значение Петербурга, причем не только его материальной составляющей — объектов искусства и архитектуры, но и интеллектуальный потенциал города — действующие на Неве творческие кружки российского и европейского происхождения.

АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА И ВАРШАВЫ

Среди поляков, обучавшихся на архитектурном отделении Императорской Академии художеств, были и такие, кто свою жизненную и профессиональную судьбу связал с Россией и Петербургом.

Необыкновенно богаты петербургские достижения Мариана Перетятковича (1872—1916). Вместе со своим профессором из Академии, Леонтием Бенуа, он разработал неосуществленную концепцию перестройки центра Петербурга. Закончил строительство костела Нотр-Дам де Франс в Ковенском переулке. Был автором проектов дома Вавельберга на Невском проспекте, Российского торгово-промышленного банка, здания министерства торговли и промышленности, дома Кербедза и многих других объектов. Более того, в течение многих лет он преподавал в Академии художеств, Институте гражданских инженеров (в обоих до этого учился), а также Николаевской военно-инженерной академии. Был также членом российского Общества архитекторов-художников и польской комиссии, занимающейся перестройкой зданий, принадлежащих костелу Св. Екатерины. Стоит вспомнить также о Рудольфе Желязевиче (1811—186?), профессоре Академии, проектировщике «Пассажа» на Невском проспекте, соавторе здания Николаевского вокзала (ныне Московского), Антоне Клещинском (1844—1902), главном зодчем управления Николаевской железной дороги, и Яне Слупском (1826—

1892), городском архитекторе Петербурга, который проектировал частные резиденции, церкви, железнодорожные станции и принимал участие в строительных работах костела св. Екатерины.

Были также польские архитекторы, которые работали и в Петербурге, и в Варшаве. К выдающимся выпускникам петербургской Академии художеств принадлежал Мариан Лялевич (1876—1944). Самая известная его работа в Петербурге — дом Мертенса, упоминаемый в важнейших трудах о российской архитектуре начала XX столетия. Он был также соавтором перестройки здания на Невском проспекте для Сибирского торгового банка. Был создателем многих доходных домов. Совместно с Марианом Перетятковичем спроектировал на Кронверкском проспекте здание с башенкой, напоминающее западноевропейские ратуши, в котором в настоящее время размещается Институт механики и оптики Технического университета.

Вернувшись на родину в 1918 г., он стал профессором Варшавского политехнического института. Одной из первых его работ в столице Второй Речи Посполитой было возвращение классицистического облика Дворцу Сташица, перестроенному в период захвата в псевдовизантийском стиле. Он спроектировал также Аграрный банк, здание варшавского Управления государственной железной дороги в Праге [правобережном районе Варшавы], а также Государственный геологический институт. Богатое архитектурное наследие Лялевича, как петербургское, так и варшавское, было высоко оценено, что не исключало дискуссий и противоречивых оценок его творчества. Чаще всего на него навешивают ярлык «представителя русского академического классицизма», но это грубое упрощение. Следовало бы добавить, что его работы принадлежат к лучшим образцам, выдержанным в этой стилистике, которую ему удавалось соединять с оригинальными, новаторскими конструкторскими решениями.

Сегодня мало кто дает себе отчет в том, что ведущие архитекторы Варшавы конца XIX — первых десятилетий XX века академическое образование и профессиональные умения получали в Петербурге. Среди учеников и профессоров Императорской Академии художеств были деятели такого масштаба, как Юзеф Пий Дзеконский, Владислав Маркони, Стефан Шиллер или Ян Хейрих-младший.

Юзеф Пий Дзеконский (1844—1927) был первым деканом архитектурного отделения Варшавского политехнического института, а также соучредителем Общества охраны памятников истории и культуры. Специализировался на церковной архитектуре, соединяя привязанность к классическим формам с поисками польского национального стиля. Только в Варшаве он был автором либо соавтором десятка храмов, достаточно назвать лишь костелы св. Флориана, Христа Спасителя и св. Станислава на Воле (проводил также многочисленные расширения и перестройки церковных объектов). Более того, он спроектировал больницу Младенца Христа вместе с прибольничной часовней, банк Ипполита Вавельберга (Западный банк) на ул. Фредро, а также многочисленные дома, среди которых дом на Аллеях Уяздовских, ориентирующийся на венецианскую готику.

Владислав Маркони (1848—1915) спроектировал гостиницу «Бристоль», несохранившийся дом страхового общества «Россия» на Маршалковской ул., дом «Под Гигантами» на Аллеях Уяздовских, ансамбль домов на ул. Коперника и многие другие.

Стефан Шиллер (1857—1933) принадлежал к наиболее плодовитым архитекторам своего времени. Спроектировал: главное здание Политехнического института им. Николая II, а также корпус физико-химического факультета того же института (ныне Варшавский политехнический институт), здание Общества любителей изящных искусств, здание Ссудной кассы варшавских промышленников на ул. Згода. Он был также автором проектов примерно ста домов. Шиллер облюбовал себе ренессанс, в проектируемых им постройках появляются аттики и подъезды в духе краковского ренессанса, свидетельством чего служит архитектурное оформление моста и виадука Понятовского в Варшаве.

Ян Хейрих-младший (1873—1925) в 1920—1921 гг. был министром искусства и культуры. Спроектировал много зданий общественного назначения, в том числе дом Красинских на пл. Малаховского (nota bene его архитектуру продолжали проектировщики МДМ — Маршалковского жилого района), Банк кооперативных обществ (дом «Под Орлами»), Публичную библиотеку фонда Евгении Кербедз, а также здание Польского гигиенического общества на Каровой ул..

Павел Вендзягольский (1883—1929) в двадцатые годы XX века был преподавателем Школы изящных искусств в Варшаве, Варшавского политехнического института и Государственной школы строительства. В Варшаве он был автором проекта здания Свободного польского университета (ныне — Военная политическая академия), а также виадука диаметральной железной дороги. Он был не только практиком, но и теоретиком архитектуры.

В эпоху зарождения модернизма неоклассицизм трактовали как стиль подражательный, вторичный, эпигонский. «Захенту», здание политехнического института или гостиницу «Бристоль» упрекали в претенциозности и излишней декоративности. Сейчас иной взгляд, и эти строения остаются гордостью Варшавы, на что, несомненно, повлияли потери города во время войны.

ОБОБЩАЯ:

Императорскую Академию художеств окончила целая плеяда польских архитекторов. Оказавшись здесь в силу политических обстоятельств, они успешно использовали шанс, который дали им занятия в Петербурге. Они участвовали в создании архитектуры России и Польши, внесли значительный вклад в архитектуру и строительство Петербурга, а также сыграли существенную роль в создании архитектурного облика Варшавы — в преддверии независимости и во время Второй Речи Посполитой. Кроме того, они оказали значительное влияние на формирование нового поколения польских архитекторов. Были соорганизаторами и профессорами архитектурного отделения Варшавского политехнического института, а также основателями и преподавателями Женской школы архитектуры им. Станислава Ноаковского.

Годы обучения в российской столице оказали большое влияние на их эстетические взгляды и стилевые предпочтения. Они были создателями, проектировщиками, преподавателями и теоретиками архитектуры. Они перенесли на польскую почву петербургский историзм, продолжающий классические формы как универсальные, лежащие у истоков европейской цивилизации.

Статья представляет собой сокращенный вариант доклада, прочитанного в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках международной конференции «Индивидуальная, коллективная, гражданская, корпоративная и государственная память и ценности», 6-9 октября 2012 года.